

© 1998 г., ЭО, № 4

Г. Е. Марков

ВЗЛЕТ И КРУШЕНИЕ ТЕОРИИ – НЕМЕЦКАЯ ЭТНОЛОГИЯ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ. ЛЕО ФРОБЕНИУС*

Победное шествие «теории развития» и грандиозные схемы истории мировой культуры в многочисленных трудах основоположников эволюционизма позволили этнологии стать в начале второй половины XIX в. самостоятельной и общепризнанной наукой. Однако эволюционизм в этнологии, столкнувшись с огромным количеством новых, противоречивших его теоретическим построениям фактов, стал все больше вызывать разочарование в среде ученых. Были подвергнуты сомнению методологические и методические основы и выводы теории развития, наступил временный кризис в науке. Новыми поколениями исследователей были предложены новые теории и концепции, призванные, как казалось, преодолеть недостатки теории развития и найти путь к объяснению хода мировых культурных процессов, причем с более материальных, чем у эволюционистов, позиций. Эта «материальность», оказавшаяся, впрочем, кажущейся, привлекла к основателям новых, как их можно назвать «механицистических», учений значительное число сторонников, причисляемых в научной литературе к так называемому «диффузионизму».

Новые гипотезы и теории стали, пожалуй, более популярными, чем «теория развития», но при этом уже не были столь единообразными по взглядам и методам, как эволюционизм. Это породило множество дискуссий, продолжавшихся с 90-х годов XIX в. до 40-х годов XX в.¹

Первой ласточкой, оповестившей научный мир об окончании эпохи господства в этнологической науке «теории развития», было учение Фридриха Ратцеля об «антропогеографии»². Идеи, высказанные в свое время Ф. Ратцелем и определившие в известной мере пути дальнейшего развития немецкой науки о народах, остаются кое в чем актуальными и в наши дни.

Одной из наиболее ярких фигур на небосклоне немецкоязычной этнологии после крушения «теории развития» стал археолог, этнолог и фольклорист Лео Фробениус (1873–1938). Л. Фробениус был основателем «культурно-морфологического учения» и главой этнологической школы, учредителем и многолетним директором Института культурной морфологии во Франкфурте-на-Майне (переименованном в 1946 г. в Институт им. Лео Фробениуса), а также основателем международного этнологического журнала «Пайдеума».

Л. Фробениус был крупнейшим специалистом прежде всего в области этнологии Африки, а также Австралии и Океании. Он автор этнологических карт Африки, не утративших научного значения до наших дней. И хотя Фробениус принадлежал к числу наиболее выдающихся этнологов своего времени, его наследие изучено довольно поверхностно, а его взгляды не получили достаточно полной оценки в научной литературе. В какой-то мере это было следствием самой личности Л. Фробениуса, а

* Продолжение. См.: *Марков Г.Е.* От истоков немецкой этнологии к ее расцвету // *Этнограф. обозрение.* 1996. № 5; *его же.* Немецкая этнология на рубеже веков: поиски новых путей. Фридрих Ратцель // Там же. 1997. № 3.

также сложности и противоречивости его этнологических и философских воззрений.

Самоучка, так и не ставший до конца профессионалом, Л. Фробениус в молодые годы был последователем И.Г. Гердера и немецкого романтизма. В его ранних работах отразились некоторые положения натуралистических учений XIX в. Затем он резко изменил позиции и выступил против натурализма, за органический подход и синтез при изучении культуры. Наиболее известными в его научных исследованиях были учения о «культурных кругах», «душе культуры», «мужских» и «женских» культурах (о которых когда-то писал И. Бахофен), работы в области «морфологии», «анатомии» и «физиологии» культуры.

Точные наблюдения сочетались у Л. Фробениуса с беспочвенно-фантастическими выводами, а некоторая бессвязность изложения и недостатки литературного стиля очень затрудняли понимание его мыслей.

Долголетнюю научную деятельность Л. Фробениуса можно условно разделить на три периода: первый – конец XIX и первое десятилетие XX в. – время интенсивной экспедиционной деятельности и весьма немногочисленных публикаций; второй – 1920-е годы; третий – годы после прихода к власти нацистов. Каждый из этих периодов отличался известным своеобразием, а последние публикации ученого испытали определенное воздействие общественной атмосферы и политической ситуации в гитлеровской Германии. Наиболее интенсивная научная деятельность Л. Фробениуса пришла на два последних периода, когда вышли в свет его основные публикации.

Ранние работы Л. Фробениуса и его труды 1920-х годов рассматривались, хотя и не полностью, в зарубежной и отечественной историографии³. При этом в последней оценки его взглядов представляются не всегда справедливыми и не во всех случаях основывающимися на анализе первоисточника. Наряду с более или менее взвешенными оценками взглядов Л. Фробениуса⁴ встречались и довольно предвзятые, характеризующие его как «немецкого реакционного этнографа»⁵ или даже «расиста», что совершенно несправедливо и выглядит скорее как брань, а не научная критика.

Еще меньше известно о Л. Фробениусе в третий период его научной деятельности, в 1930-е годы: его взгляды этого времени не получили должной оценки ни в зарубежной, ни в отечественной литературе.

Уже в начале творческого пути Л. Фробениус показал себя незаурядным исследователем-теоретиком в области этнологии. Изучение научного наследия ученого показывает, что именно его (как и Ф. Ратцеля) следует считать основоположником учения о «культурных кругах», а не Ф. Гребнера и Б. Анкермана, как пытались доказать деятели Венской католической культурно-исторической школы⁶. По мнению Л. Фробениуса, эти ученые извратили его идеи, исследуя культуру с атомистических позиций. Он же, хотя и непоследовательно, пытался охватить культуру во всех ее проявлениях (как функциональную структуру), рассматривая человека как маленького носителя всей совокупности культурных ценностей. Ученый полагал, что сначала следует понять культуру как целое и только после этого анализировать ее отдельные черты и искать объяснение их связей с другими культурными явлениями. Такой подход в целом имел структурный характер, чем выгодно отличался от чисто количественного, механистического подхода Ф. Гребнера при конструировании им теории культурных кругов, заимствованной затем культурно-исторической школой В. Шмидта.

Одной из первых гипотез Л. Фробениуса, получившей широкую известность, было выдвинутое им в 1904 г. предположение о наличии в истории культуры «соляно-мифологического этапа»⁷. Уже в этой гипотезе проявилось стремление Л. Фробениуса к мистицизму. Но особенно яркое выражение подобные взгляды получили в позднейших его трудах, посвященных попыткам выявления «души культуры».

Начиная с ранних работ, Л. Фробениус сочетал в теоретических взглядах объяснение происхождения и изменения культуры посредством миграций и культурных контактов с резко выраженной биологизацией культурных явлений. Культуру он понимал как биологический организм, который рождается, становится зрелым и умирает.

Из этого следовало заключение, что культура как таковая возникает и растет сама по себе, независимо от человека, являясь как бы ответом на совокупность природных условий и возможностей для хозяйственной деятельности. Л. Фробениус полагал, что в сходной среде рождаются аналогичные культуры⁸. Нельзя исключить, что этот вывод был сделан под влиянием идей Ф. Ратцеля и в свою очередь мог оказать воздействие на авторов теории «хозяйственно-культурных типов», знакомых с трудами Л. Фробениуса.

Следует подчеркнуть, что Л. Фробениус первым предпринял попытку рассмотреть африканские культуры в исторической перспективе. Особое внимание он уделял связям африканских культур с культурами других областей мира, а также миграциям, циклически происходившим в Африке с востока на запад и с запада на восток. Им были выделены «хамитская», «эфиопская», «азиатская» и «семитская» культуры, а также «южноэритрейский», «североэритрейский», «сиртский», «атлантический» и «западноафриканский» культурные круги⁹.

На основе анализа и сопоставления этнографического материала Л. Фробениус установил черты сходства между культурами Западной Африки и Меланезии, которые он объединил в «малайско-негритский круг». Вследствие дальнейших смешений сложилась, по мысли Фробениуса, новая «африканская культура»¹⁰.

Оценивая ранний этап научной деятельности Л. Фробениуса, можно отметить, что в конце XIX в. и в годы перед первой мировой войной он начал приобретать авторитет как специалист-африканист. Значительно менее успешными были его достижения в области теории культуры. Ни тогда, ни позднее не получили признания попытки Л. Фробениуса рассматривать культуру как явление, развивающееся по биологическим законам. Не оказалось у него прямых последователей и в теории культурных кругов. Научные интересы Л. Фробениуса были весьма разносторонними, при этом его взгляды нередко менялись в ходе исследований, что затрудняет определение его общей концепции. Но едва ли справедливо утверждать, как это делали некоторые авторы, что уже в первых работах Л. Фробениуса «чисто диффузионистские взгляды комбинировались со своеобразным биологическим пониманием культур...»¹¹. Тем более, что никаким «чистым» диффузионистом он не был и в отличие от многих современников допускал историческое развитие культурных явлений.

Второй, наиболее плодотворный этап в научной деятельности Л. Фробениуса наступил после его переезда из Бремена (там он работал в музее этнологии) сначала в Мюнхен, а в 1925 г. – во Франкфурт-на-Майне, где до конца своих дней он работал в основанном им Институте культурной морфологии. К мюнхенскому и франкфуртскому периодам относятся главные исследования ученого в области этнологии Африки, культурной морфологии и философии культуры, завершившиеся публикацией ряда фундаментальных трудов¹².

В это время вокруг Л. Фробениуса сложился круг сторонников и последователей. Однако ни личность самого Л. Фробениуса, ни его теории не стали популярными среди этнологов как в странах немецкого языка, так и за их пределами. Мало того, ни один из близких к Л. Фробениусу исследователей не принял его учения и философию культуры, ограничившись привязанностью к нему как к крупному организатору науки, африканисту, заложившему фундамент этнологического изучения этого континента. В итоге «культурно-морфологическое учение» не стало основой для возникновения школы или тем более научного направления, а получило отражение только в трудах самого ученого. Как часто бывает в науке, признание стало приходить к Л. Фробениусу лишь к концу его жизни и особенно после окончания второй мировой войны, когда его уже не было в живых.

В своих работах Л. Фробениус нередко выступал против распространенных взглядов, согласно которым происходило чисто механическое «изменение» культур, что якобы и составляло историю культуры. В частности, он критиковал понимание культурных кругов в виде собрания отдельных элементов, как их пытались реконструировать Ф. Гребнер, Б. Анкерман, В. Шмидт. Рассматривая культуры как живые

организмы, ученый пришел к выводу, что их эволюция подчиняется общим законам развития жизни¹³. Изучение и сопоставление африканских и меланезийских культур позволило ему утверждать, что изменение культуры есть следствие распространения не отдельных элементов, а целых комплексов культуры, которые представляют собой не беспорядочное собрание случайно объединившихся компонентов, а целесообразные структуры¹⁴. Не усматривая в культуре простую сумму разнородных элементов, Л. Фробениус считал обязательной взаимосвязь культурных элементов и возможность «этногенного», т.е. независимого от внешних воздействий, изменения культуры. Как ни странно, но именно эта точка зрения Л. Фробениуса представителями культурно-исторической школы была объявлена антиисторической.

Труды Л. Фробениуса свидетельствуют о признании им того, что историческая проблематика имеет непосредственное отношение к задачам этнологии. По этому вопросу у него имелись серьезные разногласия с О. Шпенглером, взгляды которого были ему во многом близки. Так, если последний признавал историчными только высокие культуры цивилизаций, то Л. Фробениус считал, что нет «неисторических» народов, которые не были бы исторически значимыми. Вся научная деятельность Л. Фробениуса была определена исторической проблематикой, и понятие «этнология Африки» было для него равнозначно «истории африканской культуры»¹⁵.

Изучая пути распространения культур, Л. Фробениус вслед за Ф. Ратцелем задавался вопросом о механизме процессов, путях и скорости передвижения как культурных явлений материальной сферы, так и социальных институтов – проблемах, не утративших теоретического и практического значения в наши дни. Одновременно он выступал против попытки некоторых ученых, принадлежавших к «культурно-историческому направлению», переносить выводы о временной последовательности распространения культур, сделанных на основе изучения народов Океании, на все культуры мира. Л. Фробениус постоянно подчеркивал сложность и богатство исторической действительности и возражал против положения об однолинейной эволюции.

Остановимся теперь на «культурном учении» Л. Фробениуса. Сам он считал его своим важнейшим достижением, но среди исследователей это учение не получило признания и на деле оказалось лишь беглым изложением отрывочных, малооригинальных историко-философских идей.

Свои весьма спорные культурно-философские взгляды Л. Фробениус развивал в ряде работ – как специально, так и попутно. Но в наиболее полном виде они были изложены в его труде «Пайдеума». Очерки культурного и духовного учения»¹⁶. В нем не лишена интереса общая постановка вопроса: автор не ограничился рассмотрением народов Африки и первобытных народов, а попытался проследить культурные взаимосвязи Европы с другими регионами. В наименьшей мере Л. Фробениусу удалось дать определение центрального понятия *пайдеума*. Рассуждения автора о «душе культуры» неопределенны и расплывчаты, во многом противоречивы. *Пайдеума* у Л. Фробениуса – это творческое начало, формирующий принцип, нечто демоническое в народах и людях, причем воздействие пайдеумы определяется окружающей средой. Более чем сомнительно его утверждение о том, что «пайдеума образует расы». Здесь ученый проявляет очевидную непоследовательность. С одной стороны, он отмечает, что ребенок, попав в иноэтническую среду, со временем становится ее составной частью (попавший в Китай – китайцем, в Африку – негром). С другой – говорит о некоторых чертах пайдеумы, изначально присущих каждому человеку; например, по его мнению, восточные люди обладают «пещерным сознанием», в отличие от нордических, имеющих «расширенное мироощущение». С этим, в частности, и связано утверждение Л. Фробениуса о том, что «пайдеума образует расы»¹⁷. Такого рода подход нашел отражение в его поздних работах и мог бы расцениваться как близкий к расизму. Однако Л. Фробениус никогда не утверждал, что существуют высшие и низшие расы, к тому же под термином *раса* Л. Фробениус, как и многие другие западные авторы, подразумевает скорее народ. А наличие у

народа определенных, тем или иным способом наследуемых свойств – вопрос, который может обсуждаться.

Едва ли можно согласиться с определением Л. Фробениусом существа культуры как рода биологического организма, независимого от человека, который является лишь ее носителем – «сосудом». Вместе с тем, привлекает мысль ученого о закономерностях, связанных с развитием культуры, однако отталкивает попытка обнаружить внесоциальные «законы роста» культур, образующие «фазы» «жизненных зигзагов» и протекающие от младенческого возраста до старости и распада. Этот путь, по Л. Фробениусу, закономерен не только для отдельных культур, но и для всей человеческой истории начиная от «мифологического времени», когда человек ощущал себя частью космоса. Период юности обозначался им как эпоха возникновения высоких религий – от зороастризма до ислама. Зрелость мира – это период философии, когда происходило разрушение гармонии между человеком и миром. И, наконец, старость – это время «материализма» индустриальных обществ¹⁸.

Хотя попытки Л. Фробениуса объяснить соотношение человека и культуры едва ли удачнее атомизма Венской школы, в его учении привлекает стремление познать мировоззренческие основы исследуемых культур, и, исходя из этого, объяснить душевные состояния людей. Можно сказать (и это уже отмечалось в литературе), что Л. Фробениус был основателем «познающего» метода, в соответствии с которым те или иные элементы культуры можно изучать, только поняв культуру в целом¹⁹. Такая постановка вопроса означает несомненное стремление к структурному подходу.

В наиболее обобщенном виде свои идеи Л. Фробениус изложил в труде «Весть судьбы», написанной в 1931 г. Однако судьба книги оказалась непростой, и из-за сопротивления научных кругов и издательства она вышла в свет только через год. Причина такой задержки заключалась в отрицательной характеристике «революционного муравейника» – так Л. Фробениус определял политическую ситуацию в послевоенной Германии, а также в прогнозе тоталитарного будущего этой страны, что оказалось, к сожалению, справедливым. Политические идеи Л. Фробениуса, вызвавшие протест в эпоху Веймарской республики, кое в чем были созвучны умонастроениям в гитлеровской Германии, что, кстати, никем из писавших о Л. Фробениусе не отмечалось. После некоторой, соответствующей эпохе доработки автору удалось переиздать «Весть судьбы» в 1938 г.²⁰

В этой книге ученый в свойственной ему весьма туманной форме предсказывал всеобщее крушение демократии и «сооружение новых конструкций». По его мнению, это было отражением воли и способностей «народной души», отрицающей «интеллектуализм», что до некоторой степени соответствовало идеологическим лозунгам нацизма. По словам Л. Фробениуса, «немецкая культура приняла роль новейшего боевого героя в этом гигантском зрелищном представлении» и поэтому новое издание книги «может дать новую картину существа нашего пайдеуматического мышления»²¹.

Этот труд Л. Фробениуса заслуживает подробного рассмотрения, тем более что в отечественных библиотеках он, насколько мне известно, отсутствует. Следует заметить, что стиль и изложение концепций автора очень сложны, порой претенциозны, далеко не всегда последовательны. Характер сочинения Л. Фробениуса отражен в названиях его разделов. Открывается книга вводной главой («Откровение культуры»), за ней следуют два раздела: «Основы и формы» и «Основы и смысл образа». Одна из особенностей этой работы заключается в соединении в ней проблем этнологии, народоведения и политологии, что редко встречается в немецкой литературе.

Народоведению, политологии и философии культуры посвящена вводная глава, начинающаяся с сопоставления «картины жизни, обновления и судьбы» с термитником, в котором новые поколения систематически уничтожают старые, т.е. обновление идет как бы извне. По мысли Л. Фробениуса, такого рода процессы свойственны всей человеческой истории, в которой время покоя сменяется вулканическим уничтожением и возобновлением человеческой культуры²². В качестве одного из

крупнейших вулканических взрывов называются события июля 1914 г. Как писал Л. Фробениус, война для Германии имела огромные последствия: ее послевоенное развитие пошло не по пути, предсказанному политиками, а по собственному пути, приведшему к обновлению, «которое соседи не могут понять и принять»²³. Если иметь в виду время выхода в свет второго, дополненного издания книги, нетрудно догадаться о каком «обновлении» идет речь. Причиной, послужившей, по Фробениусу, основой «обновления», было то, что «немецкий народ обладает особым пониманием смысла жизни». Ничего нового, кстати, в подобном утверждении нет: еще в прошлом столетии об этом же писали последователи идей романтической германистики.

В этом же ключе написаны и следующие разделы вводной главы. В параграфе «Немецкая судьба» говорится о наличии особого «атлантического мира», образовавшегося в результате цивилизации. Однако последняя, по мнению Фробениуса, не была «изобретением» человека. Он лишь выполнял «надчеловеческое» предназначение: был «исполнителем» идей, заложенных в «пайдеуме» (душе).

Рассматривая события «недавнего времени» (до 1933 г.), Л. Фробениус говорил об упадке культуры во всех областях жизни Германии, оказавшейся «механизированной и интеллектуализированной», что, как он полагал, «противоречит немецкой сущности, зато свойственно западной культуре – французскому рационализму, английскому реализму, американскому материализму»²⁴. Развивая свои культурно-философские взгляды, ученый определял миропонимание Запада как национализм, немцев – как мистицизм культуры. В духе немецкого неоромантизма и взглядов О. Шпенглера выдержано и утверждение Л. Фробениуса, что вся истинная немецкая культура мистична. Недалеко от лозунгов нацизма и такое мнение автора: «Все народы оказались под тиранией западной культуры. Дарвинизм и марксизм стали для Германии убеждением, для России – культом. В обоих случаях – обожествление чужих богов»²⁵.

В параграфе «Ориентация (точка зрения)» автор предпринимает попытку обрисовать общую картину мировой культуры, вновь подчеркивая, что ее «жизнеутверждающим финалом» стало создание нового режима в Германии. Впрочем, эти идеи Л. Фробениуса не отличались оригинальностью, они высказывались в то время многими немецкими политологами, философами и народоведами, лояльно настроенными к нацистскому режиму. Однако в среде этнологов такие идеи если и выражались устно, то практически не имели места в научных публикациях.

Повторяя взгляды сторонников «теории развития» (эволюционизма), Л. Фробениус утверждал, что первичным было мифологическое мышление. Мистически настроенный человек, писал он, существовал еще со времен Древней Греции, при этом люди рассматривали свою жизнь как часть мировых событий и не считали себя выше соседей. В отличие от Запада на Востоке бытовала резкая оппозиция в оценке своего народа и соседей. В качестве примера называется «израилитизм», в основе которого лежит идея об избранном Богом народе. Что касается Запада, то здесь Л. Фробениус явно принимал желаемое за действительное. Известно, что как раз греки выдвинули концепцию, согласно которой только они принадлежали к цивилизации, а прочие, даже наиболее культурные народы считали в лучшем случае варварами или вообще дикарями. По поводу западной культуры (имея в виду главным образом англосаксонские народы) Л. Фробениус писал, что «она стремится навязать себя всем народам мира, навязать свои культурные ценности, и признает только то, что может быть измерено и точно определено, все же прочее отрицается». Вследствие этого западная культура нарушила равновесие между душой и познанием. Повторяя распространенные в его время слова об идеализме как исключительном свойстве немецкой души, Л. Фробениус противопоставлял немецкую и «западную» (англофранцузскую и американскую) душу, полагая, что последняя осуществляет «террор», пагубно сказавшийся на немцах, отказавшихся от мистицизма и подчинившихся материализму, перешедших от средневековой мистики к императиву Канта. «Предел» этому «пагубному процессу» был положен в ходе «немецкой революции» (т.е. после 1938 г.),

когда началась борьба за признание «права на самобытность и свою сущность (Wirklichkeitssinn), и происходит это следуя зову природы, ее бытию, пайдеуме»²⁶.

В первом разделе «Основы и формы» автор предлагает свое осмысление существа и задач разных разделов науки о народах. Однако и здесь некоторая отрывочность мыслей и туманная форма изложения затрудняют понимание воззрений Л. Фробениуса и ведут к различным толкованиям их. Попутно автором даются субъективные оценки теоретических взглядов некоторых весьма известных представителей науки о народах.

Этнография, по Л. Фробениусу, это дисциплина, которая описывает чуждые нам культуры: европейские – отдаленные от нас во времени и современные «этнографические» – далекие по пространству. На вопрос, «чему учит этнография», автор сначала перечислял взгляды различных ученых, например, Г. Шульца и др. Сам Л. Фробениус полагал, что это «прикладная наука о народах». Констатируя наличие «удивительных совпадений в культуре самых разных народов», он рассматривал разные точки зрения на причины этого явления: так, Бастиан объяснял эти совпадения общностью психологии всех людей, Ратцель – миграциями. Можно высказывать предположение, что именно с легкой руки Л. Фробениуса теоретические взгляды Ф. Ратцеля были сведены преимущественно к культурной диффузии, что далеко не определяет совокупность его теоретических построений. Положение с теорией было, как заявлял Фробениус, «исправлено» только в 1898 г., с выходом в свет его труда «Познание части света», в первом томе которого было «осуществлено радикальное сближение между человеком и культурой, что потребовало прежде всего выработать в этнографии пространственное подразделение всех культурных феноменов». Культура, по мнению Л. Фробениуса, – порождение Природы, проявляющееся через человека. Как следствие такого подхода было выработано представление о проявлении Природы через различные формы культуры и их связь с «достоверно известными культурными кругами».

Задачи этнологии и своего учения Фробениус определял как выявление географического распространения и смены форм явлений культуры, установление связей между этнографическими (внеевропейскими) и древними европейскими культурами.

В обобщенном виде Фробениус излагал свои культурно-философские построения в главах «Чему учит культурная морфология», «Действительность нижнего мира», «Значение пространства» и в некоторых других.

Как утверждал Л. Фробениус, для создания новой теории истории и философии культуры ему прежде всего пришлось освободиться от «эгоцентристских взглядов на этнографические культуры, господствовавших в XIX в. Новое решение могло быть выработано только в том случае, если культуры будут рассматриваться как независимые существа, независимые от человека, что означает, что культуру следует оценивать как проявление пространства»²⁷. Из этого следовал вывод, что человек – «не машина культуры», т.е. не ее творец, а лишь «духовный носитель». Л. Фробениус отстаивал единство культуры. Он считал, что как современная «этнографическая», так и древняя «историческая» культуры составляют одно целое.

Сопоставляя процесс развития культуры и человека, Л. Фробениус выделял следующие его этапы: 1) начальный – время пластичности и варибельности; 2) время формирования; 3) время приспособления; 4) время специализации.

«Ряд развития культур», по представлениям ученого, выглядит следующим образом: 1) самая старая группа – «соляные мифологические культуры», ставшие источником позднейших культур Юго-Восточной Азии и Тихого океана; 2) культуры западной части Азии – центры, откуда распространялись «высокие религии» (начиная с зороастризма и до ислама) в Южную и Центральную Азию, Восточную Европу; 3) греческое время, к которому относится сложение в Южной Европе «западной философии»; 4) «материалистическая эпоха», проявившаяся в «рационализме» Франции, «реализме» Англии, «материализме» Северной Америки, в мировоззрении прибрежных народов Северной Атлантики. Таким образом, по Л. Фробениусу, волны

культуры, зародившейся на берегах Тихого океана, получили завершение на берегах Атлантики, проходя следующие ступени: 1) детство человечества (демонология, мифологические культуры); 2) юношество человечества (религиозные культы); 3) возмужалость (человек становится критическим субъектом бытия); 4) зрелость (господство науки и техники, наступление материализма).

Л. Фробениус отмечал, что эти этапы следует рассматривать не как механически составленные территориальные комплексы, а как этапы развития культуры, реконструированные на основе существующих археологических, этнографических и других источников. При этом две первоначальные культуры – магическая и мистическая – выражаются в принадлежности к мужской и женской пайдеуме²⁸.

Главу «Действительность нижнего мира» Л. Фробениус вновь начинает с историографических рассуждений, сводящихся к спокойной и, надо сказать, справедливой критике некоторых положений «теории развития». Он пишет, что по мере накопления этнографического материала «любители», имевшие естественнонаучное образование, попытались его систематизировать, «наивно полагая при этом, что чем древнее явление, тем оно проще». Однако ими не принималось во внимание, что это «простое» возникло в ограниченных условиях существования среды. «Сторонникам "теории развития" не приходило в голову, что "простота" была следствием бедности культуры». Говоря это, Л. Фробениус настойчиво призывал рассматривать культуру как целое, как нечто далеко не случайное, а имеющее глубокий смысл. Этот смысл он усматривал в глубинном содержании культуры – «пайдеуме». Термин «пайдеума» Л. Фробениус предлагал ввести вместо термина «душа культуры», по его мнению, дискредитированного. Пайдеума, писал ученый, это культурно-психологическое понятие, под которым следует иметь в виду духовную структуру народа, отображающуюся в культурном образе действия (*kulturellen Verhalten*). Пайдеума имеет, по его словам, собственные закономерности бытия: «Культура живет и умирает, вновь возрождается и путешествует через культурные пространства по своим собственным условиям так, как будто человек и не присутствует – он всего лишь инструмент конструкции культуры»²⁹. Оставляя в стороне мистику «внечеловечности» культуры и ее биологизацию, можно заметить, что сама по себе идея в такого рода «очищенном» виде отнюдь не бессмысленна и вполне соответствует тому, что понимается под «ментальностью».

Представляя культуру как некое внесоциальное мистическое явление Л. Фробениус пытается опереться на этнологические данные, причем предлагаемая им трактовка отдельных элементов культуры вступает в вопиющее противоречие с декларированным им подходом к культуре как к целостной структуре, которую можно понять только в ее единстве. В качестве примеров Л. Фробениус использует главным образом африканский материал. Так, он противопоставляет «эфиопскую» культуру некоей «хамитской». Рассматривая типы жилищ, он пишет, что эфиопский дом свидетельствует о связи с землей, хамитский – с кибиткой и кочевой подвижностью. Уже это сопоставление вызывает определенные сомнения. Варианты хамитской культуры связываются Л. Фробениусом с особенностями местности, эфиопской – с историческими влияниями. Далее перечисляются прочие признаки обеих культур. В частности, указывается, что эфиопская культура ориентирована на растения, в ней отсутствует частная собственность, существует система возрастных классов. По этому поводу можно заметить, что утверждение об отсутствии в Эфиопии частной собственности не соответствует фактическим данным, по крайней мере, с эпохи Аксумского царства. Что же касается возрастных классов, то у крупнейшего народа страны – амхара, они, насколько известно, отсутствовали. Хамитская культура знаменуется, по Фробениусу, связью с животными, скотоводством, клановой собственностью на пастбища. «Лозунги стиля жизни хамитов – борьба и война», а также «воля к власти, аллегоричность, ощущение подъема, свойство упоения, горячность, стремление к факту, наличие магических представлений»³⁰. В целом это обозначается как «хтоническая культура». Признаки эфиопской «теллурической» культуры – это

стремление к чувству, смыслу, символичность, чувство пространства, мечтательность природы, чувство действительности, мистичность³¹. Едва ли есть смысл подробно рассматривать степень достоверности называемых Фробениусом признаков «эфиопской» и «хамитской» культур, так как неясно, о каких же народах идет речь: в Эфиопии обитает значительное число различных народов, в прошлом как земледельческих, так и кочевых и полукочевых. Что же касается «хамитов», то остается абсолютно неясным, кто же они такие. Идеи Л. Фробениуса о «хтонической» и «теллурической» культурах непосредственно лежат в русле так называемой хамитской теории, сторонником которой он был. Возникновение ее связано с именем К. Мейнхофа³² и ряда других языковедов. Суть этой теории в самом общем виде состоит в предположении о миграциях с востока или северо-востока Африки на запад континента светлокожих групп, обладавших высоким уровнем культурного развития, который был частично воспринят местным темнокожим населением. Поиски «благородного» хамитского типа были предприняты известным немецким этнологом Ф. Лушаном. Говоря о взглядах Фробениуса по этому вопросу, основатель отечественной африканистики Д.А. Ольдерогге отмечал, что воспользовавшись хамитской теорией, Фробениус опутал ее «типичным для своих воззрений туманом». В его представлении хамиты – активная сущность, противопоставляемая «пассивным неграм». По мнению Д.А. Ольдерогге, Л. Фробениус говорил не столько о хамитских народах, сколько о хамитской душе, которую он определял как активную, жизнедеятельную в противоположность пассивной душе негра³³.

Второй раздел книги – «Основы и смысл образа» – почти целиком посвящен вопросам философии культуры, рассматриваемой с крайне мистических позиций. Он открывается главой «Время и пространство как действительность», в которой развивается идея о том, что история человеческой культуры есть история изменения жизнеощущения («образы ощущения и есть культуры»). Фробениус пишет, что растения, животные, созвездия, времена года были «создателями» человека. При господстве в жизнеобеспечении растений человек приобретал сознание реальности, знание о вечном обновлении; при господстве в жизни людей животных – представление о фактах: происходила первая «революция духа». Луна дала представление о времени, солнце – о пространстве. Из смены времен года вырастали самосознание человека, его души, осознание своей судьбы. Как и другие авторы, Л. Фробениус особое внимание обращал на мистику чисел и, в частности, полагал, что число 3 олицетворяет понятие времени, 7 – пространства. Идею возникновения государства он выводил из общности культа, сложившейся «когда человечество осознало судьбу: действительность естественного ритма и бытия, когда клановая организация (Sippe) стала основой складывания общества». Государство Л. Фробениус рассматривал как «выражение мифологического мироощущения» и выделял три этапа его развития: 1) мифологический, 2) религиозный, 3) национальный³⁴. Думается, что определение последнего этапа в значительной мере было навеяно политическими событиями в Германии 1930-х годов и созвучно тому, как рассматривали становление государственности А. Розенберг и часть немецких народоведов³⁵. Здесь Л. Фробениус намечает и свои «пайдеумические ступени» – от «способности к выражению» до «искусства применения». Феномен юношеской природы человека и общества он определяет как духовность, противопоставляя ее природе старшего возраста, для которой характерна «интеллектуализация, окостенение духа»³⁶. Кстати, дефиниция последней ступени достаточно четко перекликается с некоторыми положениями нацистского мировоззрения и пропаганды, постоянно заявлявшей об «упадочности западного интеллектуализма», пагубно влиявшего на немецкий дух. Как в любом тоталитарном государстве, в гитлеровской Германии интеллектуалы были не в чести.

Усматривая тесную связь между путями изменения природы и культуры, Л. Фробениус резко выступал против учения Дарвина об эволюции видов, называя его «механической эволюционной теорией, лишенной доказательности перехода одного вида в другой». Не высказывая своего мнения о том, как же в действительности

происходили изменения и смена одних видов другими, он делал вывод (в общем не вытекавший из его рассуждения), что «столь же мало, как возникновение биологического вида, так же мало культура является продуктом человеческого духа и воли»³⁷. Но тогда встает вопрос: какова же роль любезной сердцу Л. Фробениуса пайдеумы, по его учению, отражающей состояние духа?

Нельзя не обнаружить некоторого созвучия идей, или скорее фразеологии, с нацистским лексиконом и в других главах книги: «Действительность в культуре» и «Роль человека».

Хотя на Фробениуса, несомненно, известное влияние оказали некоторые идеи немецкого народоведения, а через них – лексика, имевшая широкое хождение в Германии начиная с 1920-х годов, тем не менее можно утверждать, что в политическом смысле он не имел ничего общего с национал-социализмом и был настроен к нему достаточно отрицательно, как, впрочем, и почти все мало-мальски значительные ученые-этнологи.

При том, что большинство немецкоязычных авторов как в прошлом, так и в настоящем с огромным уважением писали о Л. Фробениусе как об африканисте, авторе этнографических карт, не утеревших до наших дней научного значения, знатке фактического материала, к его культурно-философским построениям отношение было в целом отрицательным. Его ученики и сотрудники просто обходили эту скользкую тему, другие ученые, отдавая должное научному наследию Л. Фробениуса, отзывались весьма не лестно об этой стороне его научной деятельности, считая ее ошибочной и не внесшей ничего положительного в этнологию. Многие исследователи полагали, что оправдывать историко-философское учение Л. Фробениуса не следует хотя бы потому, что, занимая в его творчестве относительно небольшое место, оно лишь затемняет выдающуюся роль ученого в науке. Тем более, что Фробениус-исследователь эмпирического материала, очень далек от Фробениуса-философа и в своих изысканиях он шел не тем путем, который предполагало его историко-философское учение.

Можно утверждать, что результаты 12 экспедиционных поездок Л. Фробениуса и изданные им затем труды во многом изменили взгляды европейской науки на Африку. Они доказали, что ее народы имели свою историю и, как отмечает известный этнолог Л. Вайда, «вернули уважение к африканцам и их самоуважение к себе»³⁸.

Все это позволяет считать, что научное наследие Л. Фробениуса имеет не только историографическое значение, но и вполне современно, в особенности монументальный этнологический атлас Африки, архив наскальной живописи, этнологические исследования народов Африки. Поэтому деятельность и взгляды Фробениуса, несомненно, заслуживают дальнейшего углубленного изучения.

Для большинства ученых, считавших себя или учениками Л. Фробениуса, или близких к культурно-морфологическому направлению, были характерны эмпирический подход к этнологическим исследованиям и преимущественный интерес к проблемам духовной культуры. Одной из наиболее ярких фигур в этом кругу ученых был А. Ензен, научная деятельность которого началась в конце 1930-х годов и продолжалась в послевоенное время. Основными сферами интересов А. Ензена были проблемы складывания первобытных культур и история религии. Многочисленные труды А. Ензена и его теоретические взгляды свидетельствуют о широкой эрудиции, разносторонности научных интересов, оригинальности мышления. Вместе с тем едва ли можно согласиться с постоянным стремлением автора объяснять происхождение многих общественных институтов и хозяйственных процессов, например возникновение земледелия и животноводства, религиозными причинами и мотивами³⁹. (Плодотворная научная деятельность А. Ензена заслуживает подробного анализа, чему будет уделено соответствующее место в дальнейших статьях.)

Интересные работы по истории хозяйства принадлежат близкому к Л. Фробениусу А. Фридриху, затрагивавшему и некоторые историографические сюжеты в связи с

«теорией развития» и учением о культурных кругах. Довольно удачно, как представляется, формулировал А. Фридрих понятие «культура» – как сумму проявления жизнедеятельности народа⁴⁰.

В журнале Л. Фробениуса «Пайдеума» публиковался весьма известный американист Вальтер Крикеберг, проявивший себя не столько симпатиями к морфологическому учению, сколько к нацизму, что, впрочем, не нашло отражения в его чисто научных работах, благодаря которым он стал признанным авторитетом в своей области⁴¹. Его едва ли можно считать даже косвенным сторонником культурно-морфологического учения; В. Крикеберга обычно причисляют к числу сторонников так называемого исторического – теоретически крайне аморфного – направления.

Из известных ученых, по духу близких Л. Фробениусу, однако не сторонников его «культурной философии», можно назвать Г. Леммеля, круг интересов которого составляли главным образом религиозно-мифологические представления⁴².

Итак, вся научная деятельность Л. Фробениуса как исследователя африканских народов и создателя Института культурной морфологии, одного из наиболее авторитетных научных учреждений в прошлом и в наши дни, отчасти и как теоретика, вслед за «культурными зонами» Ф. Ратцеля разрабатывавшего свои «культурные круги», позволяет рассматривать этого ученого как крупнейшую фигуру в немецкой и мировой этнологии. Что же касается той стороны его научной деятельности, которая была связана с «культурной философией», то нельзя не присоединиться к мнению, что она в своей основе была вневещной, основанной на формальных и вульгарно-биологических взглядах.

Примечания

¹ Марков Г.Е. Очерки истории немецкой науки о народах. Ч. I. Этнология. М., 1993.

² *Его же.* Немецкая этнология на рубеже веков: поиски новых путей. Фридрих Ратцель // *Этнографическое обозрение* (далее – ЭО). 1996. № 3.

³ Хаберланд Э. Лео Фробениус, постигший дух Африки // *Курьер ЮНЕСКО*. 1973. Октябрь; *Токарев С.А.* История зарубежной этнографии. М., 1978. С. 137 и сл. На с. 137 этой работы ошибочно указан год смерти Л. Фробениуса. Он умер не в 1928, а в 1938 г.; *Поплинский Ю.К.* Из истории этнокультурных контактов Африки и Эгейского мира. М., 1973; *Jensen A.* Leo Frobenius. Leben und Werk // *Paideuma*. B. 1. 1938; *Mühlmann W.* Zum Gedächtnis von Leo Frobenius // *Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel*. NF. B. XXV. 1939; *Heine-Geldern R.* One Hundred Years of Ethnological Theory in the German-speaking Countries // *Current Anthropology*. 1964. № 5.

⁴ В какой-то мере, хотя и не полностью, это можно отнести к некоторым отечественным работам. См., например: *Ольдерогге Д.А.* Хамитская проблема в африканистике // *Сов. этнография*. 1949. № 3; *Токарев С.А.* Указ. раб. С. 137–142.

⁵ См., например: *Народы Африки*. М., 1954. С. 277.

⁶ *Frobenius L.* Ursprung der afrikanischen Kulturen. B., 1898.

⁷ *Idem.* Das Zeitalter des Sonnengottes. B., 1904.

⁸ *Idem.* Ursprung der afrikanischen Kulturen...

⁹ *Поплинский Ю.К.* Указ раб. С. 43–45; *Frobenius L.* Ursprung der afrikanischen Kulturen...; *idem.* Kulturtypen aus Westsudan // *Petermanns Mitteilungen*. Gotha, 1910. Ergänzungsheft N 166. D. 35; *idem.* Und Afrika sprach. B., 1912.

¹⁰ *Frobenius L.* Ursprung der afrikanischen Kulturen...; *Токарев С.А.* Указ. раб. С. 138, 139.

¹¹ *Токарев С.А.* Указ. раб. С. 137.

¹² *Бюттнер Т.* Лео Фробениус – исследователь Африки: достижения и заблуждения // *Изучение истории Африки. Проблемы и достижения*. М., 1985; *Frobenius L.* *Paideuma*. Umriss einer kultur- und Seelenlehre. München, 1921 (2 Aufl. – Frankfurt a/M., 1928; 3 Aufl. – Darmstadt, 1953); *idem.* Das unbekannte Afrika. Jena, 1923 (2 Aufl. – Frankfurt a/M., 1928); *idem.* Atlantis. B. I–XII. Jena, 1921–1928; *idem.* Das sterbende Afrika. München, 1923 (2 Aufl. – Frankfurt a/M., 1928); *idem.* Erlebte Erdteile. B. 7. Frankfurt a/M., 1925–1929; *idem.* Kulturgeschichte Afrikas. Zürich, 1935; *idem.* Schicksalskunde. Leipzig, 1932 (2 Aufl. – Weimar, 1938); *idem.* Schriften zur Kulturkunde. Weimar, 1938; *Frobenius L. und Ritter von Wilm.* Atlas Africanus. München, 1921.

¹³ *Vergl.: Hirschberg W.* Wörterbuch der Völkerkunde. Stuttgart, 1965. S. 137.

¹⁴ *Frobenius L.* Das unbekannte Afrika; *vergl.: Vaida L.* Leo Frobenius heute // *Zeitschrift für Ethnologie*. B. 98. H. 1. 1973.

- ¹⁵ Vergl.: *Vaida L.* Op. cit. S. 27.
- ¹⁶ *Frobenius L.* Paideuma. Umriss einer Kultur- und Seelenlehre...
- ¹⁷ Vergl.: *Mühlmann W.* Zum Gedächtnis von Leo Frobenius // Archiv für Anthropologie, Völkerforschung und kolonialen Kulturwandel. NF. B. XXV. 1939. S. 49–50.
- ¹⁸ *Vaida L.* Op. cit.
- ¹⁹ *Mühlmann W.* Op. cit. S. 50.
- ²⁰ *Frobenius L.* Schicksalskunde. Weimar, 1938 (далее даются ссылки на издание 1938 г.).
- ²¹ *Ibid.* S. 9.
- ²² Нельзя исключить того, что мысль Л. Фробениуса послужила отправной точкой для гипотезы Л.Н. Гумилева о «пассионарности».
- ²³ *Frobenius L.* Schicksalskunde. S. 11–13, 15, 17.
- ²⁴ *Ibid.* S. 23, 26.
- ²⁵ *Ibid.* S. 28–29.
- ²⁶ *Ibid.* S. 30–32, 34–35.
- ²⁷ *Ibid.* S. 58–59, 65, 67.
- ²⁸ *Ibid.* S. 69–77.
- ²⁹ *Ibid.* S. 79, 81–82.
- ³⁰ С.А. Токарев едва ли был прав, когда писал, что как эфиопская «теллурическая», так и хамитская «хтоническая» культуры связаны прежде всего с растительным миром. В действительности, с последним Л. Фробениус связывал лишь эфиопский «стиль», хамитский же определял как подвижный, скотоводческий (см.: Токарев С.А. Указ. раб. С. 89).
- ³¹ *Frobenius L.* Schicksalskunde. S. 103, 105, 106. Хотя термины «хтонический» и «теллурический» – синонимы (греческое *Chthon* и латинское *Tellus* означают «землю»), у Л. Фробениуса они имеют диаметрально противоположное значение и содержание: «хтоническое» растет у него «сверху вниз», «теллурическое» – «из земли вверх».
- ³² *Meinhof C.* Die Entstehung flektierenden Sprachen. В., 1936.
- ³³ *Ольдерогге Д.А.* Указ. раб.
- ³⁴ *Frobenius L.* Schicksalskunde. S. 143, 147–148.
- ³⁵ *Rosenberg A.* Der Mythos des XX Jahrhunderts. Eine Wertung der seelischgeistigen Gestaltenkämpfe unserer Zeit. München, 1934; *Bach A.* Deutsche Volkskunde. Ihre Wege. Ereignisse und Aufgaben. Eine Einführung. Leipzig, 1937.
- ³⁶ *Frobenius L.* Schicksalskunde. S. 154.
- ³⁷ *Ibid.* S. 165.
- ³⁸ *Vaida L.* Op. cit. S. 22–23, 29.
- ³⁹ *Jensen A.E.* Neuere Notizen über das Gada-System // Paideuma. Mitteilungen für Kulturkunde. B. 2. H. 1/2. 1941; *idem.* Das Weltbild einer frühen Kultur // Paideuma. B. 3. 1944.
- ⁴⁰ *Friedrich A.* Die Forschung über das frühzeitliche Jägertum // Paideuma. B. 2. H. 1/2. 1941.
- ⁴¹ *Krickeberg W.* Das mittelamerikanische Ballspiel und sein religiöse Symbolik // Paideuma. B. 3. 1944.
- ⁴² *Lömmel H.* «Seelen» Vorstellungen der Teleuten // Paideuma. B. 2. H. 4/5. 1942.

Г.Е. Марков. Flight and Downfall of Theory – German Ethnology on Borderline of Centuries. Leo Frobenius

The crisis of evolutionism theory led to search of the new ways and theories explaining the replacement ones cultural forms by the others and the chronology of this process. These search was continued by Leo Frobenius (1873–1938) – the archaeologist, ethnologist, and folklorist who was the founder of «cultural-morphological doctrine». He was also the leader of the school gathered around the Institute of Cultural Morphology which was created by him. He worked out the «cultural rounds» theory and the doctrine of «paydeym» – the soul of culture. He was the great figure in the world of ethnology. His ideas influenced on the development not only German but the world science of peoples.